

— Думаю... тогда это прощание. Это к лучшему. Так и есть, — прошептал он, словно пытаюсь убедить самого себя. В его голосе слышались неясные, сдавленные слезы. Астрид не позволила бы ему скрыть свой секрет, пока она не узнает его. Она должна была знать, что за тайна скрывалась за его словами, и кто был его собеседником. Сейчас же! В тот момент, когда она перепрыгнула через валун, за которым пряталась, порыв сильного ветра и что-то мягкое, но твердое ударило ее по лбу, отправив в полет. Ошарашенная, она смотрела на звезды, мерцающие над бухтой. Застонав, понимая, что скрываться уже не имеет смысла, она села, ожидая увидеть холодноглазого Иккинга и его спутника, смотрящих на нее сверху вниз. Вместо этого перед ней предстала лишь пустая поляна и тихое озеро, над которым шелестел поздний летний ветерок. Черт бы его побрал, он снова ускользнул от нее! Она шипела и ругалась, призывая его выйти, но он не появлялся. Слишком поздно она поняла, что ей следовало бы прислушаться, нет ли признаков его или его спутника, но когда она выбралась из бухты, там не было кустов подлеска, достаточно больших для человека. Пообещав себе поединок завтра перед последним уроком, Астрид уступила Иккингу и отправилась домой. Как только она подошла к своей кровати, ей на глаза попался пергамент, и сердце ее забило. Конечно же, она совсем забыла о нем в пылу погони. Разорвав пергамент, она села на кровать, чтобы с любопытством почитать, и чем дальше, тем больше ужасалась. — Астрид, Прости, пожалуйста, за мою бесцеремонность, за то, что я без разрешения вошел в твою комнату. Это случай, который больше не повторится. Я просто хотел поблагодарить тебя и извиниться. Ты была права, все эти недели назад, когда сказала мне, что я всего лишь позор для своего племени, своего клана и своего отца. Я не хотел этого видеть, потому что, конечно, кто бы этого хотел? Но то, что я этого не видел, лишь показывает, насколько ты была права, и каким бременем для Берка был мой эгоизм. Я сделал все возможное, чтобы быть хорошим беркским воином, но, похоже, это не мое предназначение, и поэтому пришло время двигаться дальше. Я хотел бы поблагодарить тебя за то, что ты нашла в себе силы сказать мне то, что я не хотел слышать. Я ценю твою честность. Никто больше не считал меня достойным тратить на меня время, но твоя прямота и ясность мышления всегда вызывали у меня восхищение. Это помогло мне сделать правильный выбор. Я попросил отца назначить тебя своим следующим наследником. Среди нас нет никого более способного, в этом я уверен, и мой отец это увидит. Ты заставишь гордиться своим отцом и моим. Это всегда было в тебе, и я всегда восхищался тобой за это. Я не в том положении, чтобы просить о милостях, но все же попрошу об одном: пожалуйста, позаботься о моем отце и сделай так, чтобы он гордился тобой там, где я никогда не смогу. Твои топоры нуждаются в обслуживании лишь раз в месяц. Попроси Плеваку чинить больше всего третьи топоры. Он поймет. Нижние пещеры и отвесный скалистый берег представляют собой стратегическую опасность, как и отсутствие валов в задней части острова, обращенной на восток от точки Ворона. Напомни как-нибудь моему отцу о них. Я уже напоминал, но он будет лучше слушать тебя, и не зря. Желаю тебе всего хорошего. Веди Берк к процветанию, Астрид. Игнорируй Сморгча, когда можешь, и ставь его и близнецов в те места, где ты хочешь, чтобы все ломалось и получало синяки. Они - сила, с которой нужно считаться. И слушай Рыбьеного, когда у тебя хватит на это терпения. Он увидит сильные и слабые стороны быстрее, чем кто-либо другой. Да будете вы все в безопасности, и удачливее теперь, когда я больше не могу оставлять беспорядок для уборки и ресурсы впустую. Будьте здоровы. ИккингАстрид с открытым ртом смотрела на аккуратные ряды черных рун на пергаменте, не в силах поначалу ничего понять. Смутный голос в глубине ее сознания беспорядочно повторял разные мысли: глупый мальчишка, что он делал, убегая, как ребенок. И ах, значит, его прощание в той бухте было адресовано не его спутнице, а Берку. И разве это не прекрасно, что он больше не будет сеять хаос едва ли не больший, чем драконы? Последняя мысль, казалось, пробилась сквозь дымку неверия и вызвала резкую боль в животе, смесь ужаса, вины и страха. Она была сурова, конкурентоспособна, неумолима. Она не хотела оттолкнуть его. Она лишь хотела принять вызов, стать лучше, стремиться к победе и упорствовать, как она всегда делала. Эхо ее жестоких слов звенело в ушах, когда она перечитывала ту часть, где он благодарил ее

за это. Намеки на помощь, бреши в их обороне, даже тон, которым он говорил о своем уходе, — все это звучало так, словно, хотя он и знал, что он им не нужен — настолько, что он уходит, — он все равно отчаянно хотел помочь. Часть ее возмущалась тем, как жалко это звучало, как слабо и немощно было убежать только потому, что вписаться в общество было проблемой. Но еще большая часть тонула в чувстве вины за то, что увела мальчика из дома и убедила его, что отец стыдится его. И вдруг она вспомнила его последние слова в бухте, его тон и его новое значение в этом свете. Она была виновата в том, что прогнала единственного сына вождя. Она испуганно провела рукой по волосам и чуть не вскрикнула, когда ее пальцы наткнулись на что-то холодное и чужое, застрявшее между корягой в волосах и крансеном. Пошевелив пальцами, она почувствовала, что там, под кожей, находится что-то круглое и плоское. После нескольких осторожных и деликатных манипуляций ей удалось вытащить это. Зажегши свечу, она поднесла его к свету. Это была самая странная вещь, которую она когда-либо видела: плоская, черная, как ночь, и пропускающая очень мало света с темно-синим оттенком полуночи. Края были гладкими и толстыми, круглыми, как монета, но с одной стороны сужались. Казалось, что это драгоценный камень, самый красивый из всех, что она когда-либо видела, так как при повороте его на свет проявлялись различные оттенки темно-синего цвета в пестрых узорах, словно дым из трубки, поднимающийся к ночному небу. Астрид сжала кулак, прикусив губу. Этот камень застрял в ее волосах, когда ее ударили — вероятно, спутник Иккинга, — когда они убегали. Он должен был быть богатым и сильным, чтобы сбить ее с ног и выронить этот камень из одежды, ножен или кожи. Кем бы он ни был, Астрид не собиралась отдавать его обратно: теперь он принадлежал ей, как напоминание о ее глупости и ненужной жестокости. Первые лучи солнца, пробившиеся сквозь деревянные ставни, разбудили ее, и вместе с рассветом пришла новая волна паники. Сидеть здесь, теша себя ложными надеждами, было недопустимо. Нужно было действовать. Предотвратить глупый побег Иккинга, этого несмышленного мальчишки, с кем-то чужим, с кем-то, кто, как змея, затаился в Берке, — боги знали, куда они направлялись и что задумали. Ужасные картины невольничьих рынков и других непристойных вещей проносились в ее голове. Выскочив на улицу, она была шокирована царившим хаосом. Берк, словно муравейник, кипел от волнения. Но когда она, наконец, сообразила, что происходит, то поняла: Стоик уже на охоте. Часть ее души вздохнула с облегчением — Берк, как загнанный зверь, не уйдет далеко, у него нет ни времени, ни возможности. Другая же часть — исполнилась страхом. Что если ее роль в исчезновении Иккинга раскроется? — Но она и вправду заслужила бы это. Собравшись с силами, она отправилась на поиски отца. Если уж она решила опозорить клан, то он имел право знать. В конце концов, они всегда решали проблемы вместе. И она призналась себе, — хотя бы в глубине души, — что впервые за долгое время она была по-настоящему напугана и растеряна. Ей просто хотелось к отцу. Точно так же, как Иккинг — к своему. С этой тягостной мыслью она выбежала за дверь.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3043384>